

В. Вейдле

ВОСПОМИНАНИЯ

В кн.: ДИАСПОРА: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ. Вып.3. СПб.: Феникс, 2002

https://imwerden.de/pdf/diaspora_3_2002_ocr.pdf

С наступлением зимы 18-го - 19-го года продовольственное положение в Перми резко ухудшилось. Осенью мы съездили с женой в Петербург, она и осталась там на время, у своей матери, а я к началу университетских занятий вернулся в Пермь и жил по-прежнему в квартире старшего моего друга профессора Оттокара, но не с ним – в ноябре он тоже уехал на короткое время, как предполагалось, в Петербург, – а с молодым нашим физиком Георгием Георгиевичем Вейхардтом. ... Была капуста, была картошка, но больше ничего и не было - ни сала, ни масла, ни мяса... Вейхардт где-то доставал, для меня главным образом, кусочки сахара. К Рождеству исчез и хлеб. Подвоз, мол, расстроен: гражданская война. Сухари все вышли. Мукой мы не запаслись. В первых числах января решил я отправиться за хлебом в деревню.

Одну я только и знал: Мысы, в двадцати семи верстах от города, где мы жили летом с женой у старика крестьянина и его старухи. Я, конечно, понимал, что за деньги никакого он мне хлеба не продаст, да и денег у нас с Вейхардтом было не много. Собрал я по несколько штук постельного и столового белья, три хороших рубашки, еще какую-то мелочь, уложил все это в заплечный мешок, потеплее оделся и рано утром отправился в путь с тем, чтобы засветло успеть в Мысы и переночевать у старика, который завтра вместе с хлебом отвезет меня домой на своих розвальнях. Отвезет ли, согласится ли продать, этого я наверняка, разумеется, не знал, и узнать это было невозможно. Особого доверия к нему я тоже не ощущал; хоть и жил у него летом без каких-либо раздоров, мирно, а ближе не сошелся с ним. Был он на редкость молчалив, а когда говорил, то сбивчиво, невнятно, неоконченными какими-то фразами; я порой его речи вовсе и не понимал. А жена его и совсем какая-то бессловесная была; поглядывала на мою жену довольно и ласково, но почти никогда рта не раскрывая. Были у них сыновья, а может быть, и внуки на войне, но ничего толкового мы об этом не узнали. Собственно говоря, зачем ему было давать мне хлеб, когда он и без того мог присвоить то, что я ему нес, да и то, во что я был одет, от меня избавившись, с чьей-нибудь, скажем, помощью. Мысль эта вовсе у меня не отсутствовала, да и Георгий Георгиевич меня предостерегал, посопел даже немного от волнения (это было ему свойственно), когда снаряжал меня в дорогу. Но ему, пожалуй, было под тридцать, а мне всего двадцать три. Я выпил горячего кофе (был он у нас еще в крошечном запасе) без молока, но с кусочком сахара, съел две печеных картошки и бодро отправился в путь.

....

Через месяц после того, как появился в Перми белый сибирский хлеб, а в ответ ему вся местная еда вновь закрасовалась на прилавках, был я призван на военную службу в Белую армию. .... Но рассказ об этом впереди. Пока что я солдат – проходящий (кадетов таких не бывает, а не то что солдат) и своекоштный, да и не по-военному одетый. Живу дома, обедаю дома, слушаю по вечерам сонаты Бетховена в вейхардтовском (друга моего, с которым делю квартиру) исполнении. Ни шинели, ни казармы так мне узнать и не довелось. Хожу только на учебу по утрам, учусь винтовку к ноге приставлять и вскидывать на плечо, также звездочки на погонах распознавать и честь отдавать, а по ночам, три раза в неделю, посылают меня охранять железнодорожный мост, чуть пониже города, на Каме.

...

Так что «книжки», читавшиеся мной, порой и книжицами были, а по большей части солидными трудами того формата, который немцы внушительно называют «лексикон-октав». И музыку, не музыкачку я слушал, когда Вейхардту, физику нашему, с которым жил

на одной квартире, ноты переворачивал. Бетховена, Брамса, Шумана он играл, немножко посапывая на крещендо и аччелерандо, а когда брался за Баха, священнодействовал, тихонько сопел все время, а под конец слезы - не сентимента, а музыкального счастья - затуманивали на мгновение его близорукие бледно-голубые глаза. Он перевоспитал меня, устранил однобокое мое вагнерианство, и мы вместе с ним были на концерте, где Бог весть откуда занесенные к нам музыканты превосходно сыграли септет Моцарта (для двух флейт), после которого мы были оба так этой музыкой очищены и просветлены, что друг другу не могли сказать ни слова. Бедный Георгий Георгиевич, если б он знал... Ни физика, ни музыка этого знания не дают; сам Эйнштейн не мог ему дать, чего сам не имел, хоть и довелось ему слышать - не так давно - Эйнштейнову игру на скрипке. А теперь он к тому же был влюблен. Не без сопенья, мешковато и неопытно был влюблен, но Анна Васильевна Болдырева, белокурая, розовощекая и немного пышная сестра философа как будто не была, нет, нет, не была к нему неблагосклонна. Бедный друг мой, хорошо, что ты не знал, как быстро этот пир во время чумы для тебя кончится!

...

Сорок человек, восемь лошадей. Такова была сакраментальная надпись на вагонах, называвшихся теперь теплушками. Был июнь, надобности в отоплении не было... Долго мы ждали, разместившись в теплушках, отъезда. Тронулись, наконец. Томский университет выразил готовность принять нас в свое лоно. В Томск мы и направляли путь...

Две недели ехали до Томска. Остановок на весь день (или почти) было три: Екатеринбург, станция Называевская и Омск. Первая длилась так долго по неизвестным нам причинам, вторая и третья по вполне известной и очень грустной....

... Помнится, и друзья мои, соседи по теплушечным нарам, испанист Кржевский и его жена, физик Вейнхардт, в сонаты Бетховена и Анну Васильевну Болдыреву влюбленный, того же мнения были, что и я, насчет тошнотворной этой уголовщины и в том же духе сравнивали русскую революцию с французской. Толковали мы о том, что гильотина лгуньей не была, в теплушке нашей трясясь, - но только в тот вечер: говорить, да и думать о постыдном деянье и бессильножалостно было и противно. Вертелись колеса, переставали, вертелись опять; докатили нас до Урала и укатили за Урал. Столб мы видели пограничный с дощечками - назад указующей: «Европа», и вперед: «Азия» (так я с тех пор в Азии больше и не бывал). А на другой день (или вроде того) остановился наш поезд в степи у дощатого, длинного, желтого барака с надписью «Называевская». Думали, должно быть, долго думали, как эту станцию назвать, и, не придумав, назвали в честь этого неудавшегося называнья. Никаких других строений вблизи, никакого селенья, вообще ничего. Скошенная трава; равнина. Нам объявили, что поезд тут простоит не меньше четырех часов: отправляйтесь, куда хотите, на все четыре стороны. Версты за полторы, мол, есть тут и деревня, а за полверсты - озеро. Все и отправились в деревню, только мы пятеро, упомянутые мною, к озеру. Было жарко, хоть и не очень солнечно. Мы решили выкупаться, а там видно будет. Полотенца захватили и бодро отправились в путь. Озеро оказалось совершенно правильной формы квадратным резервуаром в полверсты стороной. Кругом ни деревца. Дамы поодаль на бревно присели, повернувшись к нам спиной, а мы быстро разделись и пустились в плывь. То есть я пустился в плывь, а Вейнхардт за мной. Кржевский не плавал, барахтался у берега. Не очень мне вода понравилась. Доплыв до середины, я повернул назад. Кржевский уже одевался, Вейнхардта я не видел. Увидел лишь через минуту, обтеревшись полотенцем и накинув рубашку: он был совсем близ берега, но под водой и делал движения руками, точно хотел выплыть на поверхность и не мог. Я скинул рубашку, бросился в воду, схватил его руку левой рукой и, плывя с помощью правой, стал тащить его к берегу. Ни на вершок, однако, сдвинуть с места не мог. Напротив, он как будто погружался все глубже, от берега удалялся все дальше, и рука его, уже при первом прикосновении очень слабо сжавшая мою, теперь совсем перестала ее сжимать. Я и сам, изо всех сил плывя к берегу, понемногу от берега удалялся. Кржевский кричал: «Плывите ко мне, вы утонете сами». Я руку из своей не выпускал. Работал изо всех сил ногами и другой рукой, но продолжал отдаляться от берега.

Кржевский чуть не плакал, жена его и Анна Васильевна побежали на станцию за помощью. Я изо всех сил... И вот – отпустил руку, не выдержал. Показалось мне, что утону иначе вместе с ним. Доплыл до берега, обернулся: друга моего под водой видно не было. Не стоит продолжать. Дно было песчаным и воронкообразным. Тело Георгия Георгиевича затынутым оказалось в самую середину бассейна. К жизни вернуть его не смогли. Врач объяснил мне, что он не захлебнулся, а умер, покуда я его за руку держал, от того, что называлось тогда разрывом сердца. Привезли к вечеру гроб, поставили гроб в пустую теплушку. Поезд двинулся дальше. В Омске остановился на целый день. Там был гроб опущен в могилу. ... Вспомнил о станции Называевская и снова, больше чем через полвека, не могу справиться с тем чувством, которое не давало мне заснуть во всю ту ночь перед Омском; на кладбище там, сильнее грусти, подкатывало к горлу; столько раз мучило и позже. Все-таки я выпустил его руку, шкуру свою спас, дал ему пойти ко дну... В Петербурге, через полтора года, я разыскал его сестру. Чемодан с его вещами у меня остался. Она мне подарила его шерстяную домашнюю вязанку, которую я носил потом двадцать лет, и несессер, старомодную кожаную коробку с ремнем. Храню ее по сей день. Музыка мне о нем порой напоминает. И совесть. Надо было крепко держать в руке его руку. Держать его руку в руке – до конца.

В.Вейдле ВОСПОМИНАНИЯ ДИАСПОРА: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ. Вып.3. СПб.: Феникс, 2002

https://imwerden.de/pdf/diaspora_3_2002_ocr.pdf